

ГЛАВА IV ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ К ДУХОВНОЙ

Общая динамика Гоголя представляет собой переход от художественного творчества к творчеству духовному. Подобная схема движения хорошо известна романтической культуре и прежде всего немецкой, породившей феномен религиозного отречения, описанный В.Жирмунским¹. Поиски синтеза художественного творчества и религии в 40-е гг. обозначены прямым выходом Гоголя на учительную стезю. В начале 40-х гг. он активно продолжает свое религиозно-нравственное самовоспитание, пытаясь придать ему системный характер, чтобы затем, исходя из личного опыта, распространить его на своих знакомых и на массовую Россию. Уже книга выписок из святых отцов и духовных писателей, составленная не позднее 1843-1844 г., свидетельствует об основательности задач писателя. Это тот материал, который составил идеологический подтекст II тома и лег в основу "Выбранных мест из переписки с друзьями". Процесс открытого взаимодействия поэтической системы с религиозно-учительной идеологией представлен во II томе "Мертвых душ". Те смысловые уровни текста, которые ранее предполагали контекстуальное прочтение, во II томе получили эксплицитное и рациональное выражение. Несмотря на отмечаемое исследователями усиление мистицизма Гоголя в 40-е гг., следует заметить, что в равной (если не в большей) степени усиливается его рационализм, наполняющий апофатическое сознание Гоголя четкостью социально-нравственной док-

трины. Восприятие мира как "могилы", как страшной, пугающей пустоты соответствует аналогичным переживаниям своего душевного состояния, в которых иррациональная темная стихия рождает бесчувствие и тревогу. Эмоциональное и рациональное вступают в драматическую борьбу, итог которой известен. Гоголь стремится рационально, волевым усилием утвердить и внести "свет" в мир и собственную душу. Отсюда идеи насилия воли, звучащие во II томе поэмы и в "Выбранных местах", соотносящиеся с ключевыми положениями не только православной аскетики, но и масонской мистики². Напряжение этой борьбы рождает гоголевскую психотехнику (в исходной точке рациональную) мистического просветления и экстаза, вбирающую опыт самопознания и самоусовершенствования масонства, западной и восточной аскетики. Сосуществование "темного" и "светлого" обрачивается гиперболическими формами проявления "светлого" начала, что неслучайно провоцировало в окружающих недоверие и подозрительность. Гоголь начинает рационально реанимировать "мертвый" аспект мира и человека: вносит в мир "церковь", сияющую своими куполами (во II томе), в "Выбранных местах" Церковь готовится "*засиять светом на всю землю*" и "*насквозь высветлить человека*", находит во II томе персонажей, осиянных небесными лучами, и весь мир II тома наполняет райским и весенным "светом", в "Выбранных местах" монарха наделяет признаками Бога-Отца, распространяющего свет и любовь на своих граждан, пытается развернуть целостное нравственное учение о "должности" человека и т.п. Везде и всюду он пытается обнаружить уже существующие приметы "небесного града" или "ступени", ведущие к нему. Весь пафос Гоголя 40-х гг. устремлен к "Светлому Воскресению". Однако сквозь эту рационально-утопическую, волевую проекцию невольно прорывается "Египетская тьма" России ("Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!" - VIII, 416) и самого Гоголя ("... соотечественники!

страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия <...> Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, семена которых мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища из них подымутся" - VIII, 221). Две полярные парадигмы - "небесный град" и "земной град" (восходящие к Августину), традиции исихазма, аскетики, "внутренней церкви" и социального, деятельного христианства - Гоголь пытается объединить в одну. Отсюда рождается ощущение эклектизма, который формируется под влиянием не только православных традиций, но и под влиянием идей протестантизма, католицизма, пietизма и т.п. Стихийность и естественность душевно-духовного самочувствия Гоголя не парализуют его творческую волю, а предельно обостряют ее возможности, реализуясь в литературной оформленности нового состояния писателя, почти уже монаха³.

ВТОРОЙ ТОМ "МЕРТВЫХ ДУШ": ДВИЖЕНИЕ К ПРОПОВЕДИ

Второй том "Мертвых душ" остался незавершенным. Вероятно, по этой причине он никогда не анализировался как некое жанровое целое. Однако при том, что отдельные звенья сюжета отсутствуют, ощущение сюжетной завершенности и даже исчерпанности II тома все-таки появляется. Оно формируется несколькими обстоятельствами: во-первых, общей архитектоникой замысла и наличием I тома; во-вторых, особенностями жанровой организации, задающими законы восприятия дошедшего текста как целого, и, наконец, существованием "Выбранных мест из переписки с друзьями", которые тяготеют к I и II томам поэмы, образуя с ними как бы единую книгу творений Гоголя.

Во II томе перед читателем открывается иное видение мира, иные принципы художественной образности, кото-